

Рассказы об ученых: Иоффе, Лаврентьев, Румер, Воеводский

«...»

Дед

Президентом Сибирского отделения Академии наук (СОАН), начиная с его основания и до ухода на пенсию, был академик Михаил Алексеевич Лаврентьев, за глаза прозванный «дедом». В воздвигнутом под Новосибирском Академгородке он был, в сущности, самодержцем. Все вопросы научного и градостроительства решались президиумом Сибирского отделения АН СССР под его председательством. Именно благодаря протекции новорожденный клуб «Под Интегралом», чьим президентом я стал, обрел своё здание в бывшей столовой № 7. Там мы и познакомились лично.

Прерогативой президента была организация острых дискуссий и встреч с ветеранами, реабилитированными эками, иностранцами и вообще все внешние сношения клуба. Однажды дед был приглашен для встречи с научной общественностью городка. Я, как всегда, позаботился об объявлениях во всех институтах и местной газете и, не предвидя никаких неожиданностей, неспешно направлялся к клубу, стоявшему на отшибе. И тут вдруг узрел, что навстречу мне, прочь от клуба, быстро вышагивает дед, хотя до намеченной встречи оставалось всего ничего. Я преградил ему дорогу, ожидая объяснений. Выяснилось, что малый зал на первом этаже (именуемый «знаменателем»), где намечалась встреча с общественностью, оккупировала какая-то дама (секретарь РК КПСС) для обсуждения проблем стенной печати. Для этого были собраны её издатели и корреспонденты. Это было чистое самоуправство, которое проморгала наша охрана (т. н. «первый отдел»). Возмущению деда не было предела. «Кто здесь хозяин?» — вопрошал он негодуя, не видя разницы между вышколенными в послушании чиновниками и клубной вертикалью. Но последняя действительно существовала. «Я здесь хозяин» — безапелляционно заявил я, повернул вспять и с порога велел охране немедленно выдворить пришельцев на второй этаж («числитель»), освободив помещение для анонсированной душевной беседы. Как обычно, беседа прошла на высоком уровне, и дед остался вполне доволен этой встречей. И мною — как «хозяином», каковым я был в его глазах.

Несколько дней спустя иду себе на работу мимо Института гидродинамики, который возглавлял дед, а он стоит у крыльца, окруженный группой инспекторов или иностранцев, тычет в меня пальцем простёртой руки и вещает:

— Во...во... во! Президент идёт. Президент!

Деловых контактов у нас с дедом не было, но я был вхож к нему в дом и с удовольствием общался с его женой, Верой Евгеньевной, интеллигентной, образованной женщиной. Она тоже ко мне благоволила, усматривая в моей внешности что-то общее то ли с древними иудеями, то ли с вавилонянами. Это несомненно помогло мне уцелеть, когда грянул гром и озверел обком.

Гром грянул из-за Первого всесоюзного фестиваля бардовской песни, посвященного пятилетнему юбилею нашего клуба. Всё было чин-чинарем, кроме того, что ни одна песня не прошла цензуру Главлита и со сцены иногда звучала крамола, а в песнях и балладах

Александра Галича — только она! Это был единственный раз, когда великий оракул пел со сцены на своей Родине и его снимали две киностудии одновременно. Мы отдали Галичу всё второе отделение концерта лауреатов фестиваля в Доме учёных, а в первом выступили трое других, каждый из которых исполнил по одной его песне, чтобы все были, как говорится, одним «миром мазаны». Лаврентьев с супругой посетили только это, первое отделение, но и остальные тексты, ставшие известными Вере Евгеньевне, убедили её, что Галич — настоящий поэт, а вовсе не возмутитель спокойствия.

Однако первый секретарь Новосибирского обкома Горячев, инициировавший гонения на клуб, придерживался иного мнения. Считая это местным перегибом, я даже выступил по Всесоюзному радио, поучая наших местных вождей из Москвы, как следует ныне обращаться с советской молодежью, прощая ей неизбежное вольнодумство и чрезмерное рвение. Это выступление на радио «Маяк» подлило масла в огонь, и обком КПСС возжелал, чтобы я убрался вон из Академгородка. Сначала от его имени мне предложил это академик Будкер, успевший договориться о работе и квартире для меня в Черноголовке. Его посредничество показалось мне нарочитым, и я отказался. Пусть, если угодно, обращаются прямо ко мне. «А ты уверен, что они снизойдут?» — огорчился он. Я не знал ответа на этот вопрос, но стоял на своем.

Некоторое время спустя на улице Золотодолинской, что вела от дома деда к его институту, меня догоняет его лимузин и тормозит. Открывается дверца, и дед повелевает: садись! Сажусь и весь обращаюсь в слух. «Значит, так: к тебе явятся на работу, ломать, значит, характеристику, данную на защиту докторской», которую я успел подать в альма-матер, Московский институт химической физики (ИХФ). Ничего себе подарок академику Семенову, его директору, — неблагонадёжный соискатель высшей научной степени! Пытаюсь протестовать, но дед обрывает меня:

— Не сопротивляйся, я договорился, никаких последствий не будет.

Во как! Он и Горячев — оба члены ЦК КПСС и вечные антагонисты. Что же ему пришлось уступить взамен? Впрочем, это не моего ума дело. Машина тормозит у входа в его институт (Гидродинамику). Деду выходить, и мне тоже. Вдруг он спрашивает: «А ты почто ему клизму вставил?» (имеется в виду Горячев и моё назидательное интервью на радио «Маяк»). Лихорадочно соображаю, но ответ внезапно вырывается сам собой:

— А вы знаете, приятно иногда вставить!

Дед захлёбывается смехом: ха-ха-ха-ха! Ответ ему по душе: он сам борец и задира, палец в рот не клади. А мне кривить душой не дано отроду.

Ломать шпагу над моей головой пожаловала в партбюро института весьма ослабленная делегация во главе с секретарём райкома, но — всего лишь комсомола. Мои партийные коллеги не признавали за мной вины и защищали до последнего. Последней оказалась фраза «нечёткие идейные позиции», вписанная в исправленную характеристику соискателя докторской степени. Никаких последствий в Москве эта фраза не возымела, как и было обещано, но в Академгородке со стороны некоторых я подвергся остракизму. Один из таких (учёный секретарь президиума) как-то попытался даже выдворить меня из столовой Дома учёных как «персону нон-грата». Конец этому положило приглашение к семейному обеду Лаврентьевых с участием всех их детей. После трапезы жена Лаврентьева отозвала меня в сторону и конфиденциально сообщила: «Вы не его (деда) благодарите, а меня. Он уж готов был вас сдать, но я не позволила. Обед лишила, отправила обратно в институт договариваться по прямому проводу с обкомом. Не то ведь международного скандала было

бы не избежать». А основания для такового были: в течение пяти лет у нас побывали участники множества международных конференций, съемочные группы Би-би-си и других студий, шум мог бы подняться знатный. Хотя в этот момент всё внимание было отвлечено скандалом с «подписантами». Партийным органам было где разгуляться. Хрущевская «оттепель» кончилась.

Началась другая жизнь: я полностью отдался науке, совершенно отключившись от общественной деятельности, даже газеты перестал выписывать. Но как-то однажды мне случилось быть оппонентом одному талантливому аспиранту НГУ, тяжелому инвалиду с детства, но подготовившему к защите кандидатскую диссертацию. В процессе её обсуждения я узнал, что парня выселяют из общежития университета, не считаясь с тем, что ему негде жить и работать. Потрясенный этим беспрецедентным равнодушием, я позвонил деду:

— Михаил Алексеевич, вы у нас депутат?

— Да ... да. Этого — Верхнего!

— Тогда позвольте мне заглянуть к вам по очень срочному гражданскому делу.

Оказавшись в его рабочем кабинете, один на один, я в двух словах изложил, в чем дело. Больше слов не потребовалось. Он тут же при мне позвонил Спартаку Беляеву (ректору университета), держа трубку так, чтобы мне были слышны ответы. Увы, стандартные ссылки на штатное расписание и распределение его не удовлетворили.

— Понимаешь, Спартак, он же калека, с трудом передвигается! Проучившись здесь столько лет, он хорошо освоился: знает, где хлеб купить, где бельё сдать в стирку, где сесть в автобус... А на новом месте как он всё это найдёт? К тому же по снегу и здоровому передвигаться не просто, а тем более ему. Определи его к Нестирихину в «Автоматику». Мы всё равно собираемся развивать этот институт, а тут специалист готовый. Что? Вакансий нет? Ну тогда я сокращу двух своих и возьму его к себе в институт. Всё.

К счастью, сокращения не понадобились. Мой протеже был немедленно принят в Институт автоматики и электроники, где и процветает по сию пору. Но каков дед! Какая простая народная мудрость! Даже не видя человека и не зная его, представить наяву, какая печальная участь его ожидает, и бескомпромиссно прийти на помощь.

Последний раз я встречался с академиком Лаврентьевым в его доме в Москве, когда то ли он выбыл из Академгородка на заслуженную пенсию, то ли его «выбыли» за неумеренную строптивость. Однако в делах Академии наук он всё ещё принимал активное участие. В тот день он вернулся домой в дурном настроении — с очередного совещания по проблеме Байкала и Селенги. У проблемы этой длинная история — в 1968-м в прессе горячо обсуждалось (и осуждалось) дурное влияние на экологию Байкала строящегося Селенгинского целлюлозно-картонного комбината. Я собирался было ввязаться в эту дискуссию, проведя её в «Интеграле» после фестиваля, но, увы, не довелось. А Академия все-таки выступила против пуска комбината на некоем высоком совещании, которое, однако, пренебрегло её мнением. Решено было тему закрыть — и по «высочайшему повелению» все газеты враз заткнулись.

Дед вспоминал потом: «Представляешь, только я и ещё один академик не подписали решения этого совещания. Но моему коллеге сказали: вы собрались с женой во Францию, пожалуйста, но только если подпишете решение о комбинате». И тот академик сдался.

— Да ладно, — говорю, — Михаил Алексеевич, где Франция и где Байкал? И вообще, это разные епархии.

— Э-э-э, да всё едино! (То, бишь, всё схвачено органами, хотел он сказать).

— Ну хорошо, пусть так, но зачем убиваться-то: вы один не подписали или двое, всё равно — дело проиграно!

— Э, не скажите, — возразил дед. — У нас ведь как — все единогласно, а тут вдруг — один академик против, другой... значит, что-то не чисто.

Увы, именно за эту свою позицию, возможно, он и поплатился своим высоким положением, но даже потеряв его, Лаврентьев продолжал воевать за Байкал — русскую национальную жемчужину. К сожалению, эта бесполезная борьба всё еще продолжается — безрезультатно! И сегодня читаю в Интернете:

Экологи бьют тревогу — никакого замкнутого цикла на комбинате нет. Есть лишь имитация оборотного водоснабжения. По их мнению, предприятие сбрасывает в Селенгу сточные воды безо всякой очистки.

Да, зря витийствовал Дон Кихот. Но Академгородок дед всё-таки воздвиг, так же как и его клоны в Красноярске и Иркутске. Расцвела наука в Сибири и рассеялась теперь по всему миру. Есть немало сибиряков и в Израиле, прижившихся в Реховоте, который мы шутя называем Академреховот. Есть здесь институт Вейцмана (аналог СО АН), есть мы и добрая память об альма-матер — Академгородке и о его основателе, академике М.А. Лаврентьеве.

...»

© Текст: Анатолий Бурштейн

Источник:

[Бурштейн А. Рассказы об ученых: Иоффе, Лаврентьев, Румер, Воеводский](#) / А. Бурштейн // Вестник Европы. – 2013. – Т. 36. – С. 243–253.